

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ANTIУТОПИЧЕСКОГО И УТОПИЧЕСКОГО ДИСКУРСОВ В РОМАНЕ В.П. ПЕЛЕВИНА «СВЯЩЕННАЯ КНИГА ОБОРОТНЯ»

Бобылева А.Л.

*ФГАОУ ВО Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д.18*

e-mail: nast39@yandex.ru.

поступила в редакцию 15 ноября 2017 года

Аннотация

В статье рассматривается проявление антиутопического дискурса на сюжетном, композиционном, интертекстуальном уровнях, а также его взаимодействие с утопическими элементами. Анализ образов главных персонажей, фабулы, поэтики романа позволяет выделить дихотомию утопического/антиутопического, которая через аллюзии, жанровые штампы и художественный пафос романа «Священная книга оборотня» распространяется на идейный уровень произведения, позволяя сделать вывод о двуплановости финала романа.

Ключевые слова: *Пелевин, антиутопический дискурс, утопический дискурс, симулякр, интертекст.*

Введение. Антиутопия является одним из наиболее продуктивных жанров в русской литературе XX – начала XXI веков. Изменения, происшедшие в общественной жизни и в литературе рубежа веков, обусловили появление целого ряда произведений (В. Войновича, Т. Толстой, Э. Лимонова, В. Пелевина, А. Кабакова и др.), которые свидетельствуют о востребованности жанра в современной литературе.

Не ослабевают и интерес исследователей к различным аспектам жанра антиутопии, что доказывает актуальность данной работы. Мы разделяем мнение тех ученых, которые считают природу взаимоотношений между утопией и антиутопией диалогической, так как нельзя отрицать, что утопия послужила для антиутопии порождающим началом. Следует подчеркнуть, что антиутопия не просто «вторична» по отношению к утопии, но постепенно, обретая собственные конститутивные признаки, она, в свою очередь, начала влиять на утопию, вступать с ней не столько в пародийные отношения, сколько в диалогическую связь. Это объясняет и их одновременную актуализацию: интерес к утопии неизменно влечет за собой развитие антиутопии, и наоборот. Эти диалогические отношения зачастую акцентируются и в самой форме написания термина (анти)утопия, где скобки подчеркивают связь между этими понятиями.

Творчество Виктора Пелевина представляется весьма показательным в данном отношении, так как (анти)утопичность является структурообразующим и смыслопорождающим началом, придающим целостность его художественной системе. Анти(утопизм) можно рассматривать как определяющую метажанровую константу его прозы, что органично вписывает тексты В.Пелевина в жанрово-стилевые искания современной российской литературы. Предметом нашего исследования являются формы проявления (анти)утопического дискурса в романе В.Пелевина «Священная книга оборотня». Цель данной работы – проанализировать характер диалога с анти(утопической) традицией, а также выявить способы ее трансформации и прояснить взаимодействие утопии и антиутопии в рамках одного произведения.

Основная часть. Роман «Священная книга оборотня» (2004) рисует вполне узнаваемые черты России XXI-го века: экономика, полностью зависящая от «нефтяной иглы», бизнес, неотделимый от воровства, коррумпированная власть, чиновники, которые кормятся откатами и т.п.

Антиутопический дискурс проявляется здесь уже в той точке зрения, которая организует повествование: «Священная книга...» написана в форме записок главной героини – единственной, кто способен критически мыслить и трезво оценивать происходящее. Вместе с тем, уже на уровне имен главных героев, а также определения их «статуса» заметна и

трансформация антиутопического дискурса. Повествование ведется от лица оборотня – лисы А-Хули. Она сама определяет это имя как «непотребство». Лисе более двух тысяч лет, хотя в человеческом облике она выглядит семнадцатилетней девушкой. До того, как попасть в Россию, А.Х. жила в разных странах и была тесно знакома со многими высокопоставленными, облеченными властью лицами: китайскими мандаринами и французскими маркизами, английскими лордами и советскими бонзами, вроде Ежова. По словам одного из героев романа, которого А.Х. называет Желтым господином, «волшебные лисы» – «это особый случай. (...) Такое существо не относится ни к одному из миров, поскольку перемещается между всеми тремя — миром людей, животных и демонов» [1]. Исследователями уже не раз отмечалось, что антиутопическому герою присуща экстравагантность, он, как правило, выделяется среди окружающих. У Пелевина эта черта доведена до крайности. Тем не менее, именно благодаря тому, что героиня романа свободно перемещается между разными мирами, ей внятен любой язык, поэтому она и способна критически оценивать происходящее.

Как это обычно бывает в классических антиутопиях, записки главной героини превращаются в роман о любви. У Пелевина это история взаимоотношений двух оборотней – лисы А-Хули (взявшей псевдоним Адель) и волка – Саши Серого (позже превратившегося в черного пса по имени Пиздец). И если героиня находится вне Системы, то он – генерал-полковник ФСБ – является ее частью. Таким образом, в романе Пелевина сохраняется характерная для антиутопии бинарная структура: за отношениями притягивания-отталкивания Адель и Саши Серого можно увидеть традиционные оппозиции: личной свободы и тоталитарной власти / природы и цивилизации / культуры и цивилизации.

По поводу использования Пелевиным табуированной лексики А. Балод высказал предположение, что писатель ставит своеобразный лингвистический эксперимент, «в рамках которого нормативная и ненормативная лексика меняются местами. Ненормативные слова на страницах его книг приобретают респектабельность (А Хули, пес Пиздец), а вполне уважаемые научные термины (дискурс, симулякр и др.) становятся неким аналогом «материны для посвященных» [2]. На наш взгляд, данное наблюдение косвенно подтверждает нашу мысль о том, что в основе «Священной книги...» лежит традиционное для антиутопии противопоставление природы и цивилизации. Дискредитация научной и псевдонаучной терминологии – прием, который используется Пелевиным, чтобы подчеркнуть симулятивную сущность современного мира, в то время как табуированная лексика, как правило, связана с естественным, природным началом. В этом контексте «непотребное» имя героини воспринимается и как знак равнодушия к миру пустых бессодержательных понятий и слов, и как вызов ему.

В романе она рассуждает о мифах разных стран, о текстах древности и о художниках нового времени, о Гете и маркизе де Саде, Толстом и Чехове, Блоке и Набокове... Неудивительно, что в современной России, она стремится держаться подальше от мира, которому «не нужны солисты», где личность вытеснена «хрюкающим хором» [1]. Саша же, напротив, служит утверждению навязываемого Системой порядка. В романе он буквально воплощает выражение «оборотни в погонах», которое отсылает читателя ко времени начала правления В. Путина, сопровождавшемуся разоблачением коррумпированности высших милицейских чинов. Тем не менее, и в этом образе просматриваются черты антиутопического героя.

По определению А. Жолковского, в классических антиутопиях «героем обычно является здравомыслящий мужчина, как правило, интеллектуальный функционер режима» [3]. В романе Пелевина Саша Серый и является таким функционером. Более того, он наследует и другой признак героя антиутопии: «Государство видит в нем Ребенка, за которым всячески присматривает. Но детскость Героя, имеет и другую сторону – непослушание, спонтанность, близость к природе, невключенность в социальную организацию» [3]. Пелевин не просто подчеркивает присущую Саше детскость, но и иронически «буквализирует» её конкретные проявления, что выражается как через характерные вещные детали (например, на столе генерал-полковника ФСБ лежат сказки), так и через отдельные психологические нюансы (он не просто читает сказки, но верит в них). Другие отмеченные Жолковским черты детскости

тоже получают в «Священной книге...» свое буквальное выражение: например, «близость к природе» проявляется в том, что Саша, помимо своего человеческого обличья, имеет и другое – волчье.

Он сразу привлек Адель своей непохожестью на окружающих: ей «показалось, что это лицо из прошлого. Похожих лиц было много вокруг в давние времена, когда люди верили в любовь и Бога, а потом такой тип почти исчез» [1]. Заметим, что героя Замятина Д-503 тоже можно назвать «лицом из прошлого»: в нем есть капля «дикой крови», о чем свидетельствует, в частности, такой атавизм, как его «волосатые руки» [4]. О парадоксальной диалогической связи Саши Серого с героем Замятина говорит и такая примечательная деталь интерьера его квартиры, как стеклянные стены. Однако не случайно стены пентхауса, где живет Александр, затемняются по *его* желанию, да и прозрачны они только изнутри. Вступая в диалог с классической антиутопией, Пелевин, как правило, не столько следует в русле традиции, сколько обыгрывает известные сюжетные ходы, наполняя «старые формы» новым содержанием.

Подобно Д-503, который до встречи с I-330 радостно подчинялся бесчеловечному порядку и считал его единственно возможным, Александр до встречи с Адель ни о чем не задумывался. Он считал себя вправе распоряжаться жизнями других людей. Порядок, который он представлял, казался ему абсолютно справедливым. Но после того, как Саша влюбляется, у него сразу возникает масса вопросов и сомнений, он начинает думать, открывает для себя такие стороны жизни, о которых раньше и не подозревал. До определенного момента сюжет романа разворачивается по традиционному сценарию антиутопии: герой выпадает из общего ряда, что закономерно приводит к превращению «функционера режима», «Инквизитора» в гонимого зверя, вынужденного скрываться. И все же, хотя Адель и указывает ему путь к освобождению от власти Системы, Саша не может его принять и вновь возвращается в привычный круг. Причем это не результат принуждения, а его свободный выбор.

В «Священной книге...» черты «классического» героя антиутопии более определенно проявляются в образе А.Х.: она спонтанна, близка природе, непослушна (А.Жолковский). Ее записки служат средством самопознания, а бункер, в котором она помогла укрыться Александру, сродни «Старому дому» в замятинском романе. Но при этом лиса А Хули представляет собой сплошную симуляцию: вместо половых органов у нее мешочек-симулякр, вместо собственных суждений и мыслей – компиляция чужих. Её отличительная особенность – хвост – позволяет ей погружать человека в состояние иллюзии, подчиняя его своей воле. Иными словами, то, что традиционно в антиутопии характеризует мир несвободы, у Пелевина присуще героине, которая ему противостоит.

Через отношение к этому миру вновь проясняется различие позиций Саши и Адель. В то время как он стремится стать сверхоборотнем, рассчитывая на особое положение в мировой иерархии, она, напротив, стремится постичь эту идею путем внутреннего духовного самосовершенствования.

Сближение и расхождение главных героев проявляется и через «сказочный сюжет». Как известно, волк и лиса – излюбленные персонажи народных сказок, поэтому неудивительно, что в романе он играет важную роль. В сказке выражается представление о должном, идея торжества добра над злом, жизни над смертью. Можно сказать, что в «Священной книге» сказочный дискурс выступает как аналог утопического.

Встретив Адель, Саша, которому, как уже отмечалось выше, присуща детскость, хочет выстроить их отношения по модели сказки «Аленький цветочек». Их роман начинается с подаренной алой розы. Но Адель не принимает Сашиной «игры». Позже она даже высмеивает её, явившись на свидание к волку в наряде Красной шапочки. Дальнейшее развитие отношений между главными героями говорит о том, что «красавице» не удалось приручить «чудовище», любовь не смогла победить «чары», околдовавшие его.

Однако в романе Пелевина сказочный дискурс проявляется не только через любовный сюжет. В «Священной книге...» его функция – выявить деформацию реальности. И если любовный сюжет просто не «совпал» со сказочным, то в развитии так называемого

«нефтяного» сюжета противоречие сказки (то есть идеального) и реальности приобретает абсурдно-гротескную форму выражения. В данном случае обыгрывается сюжет сказки о Крошечке-Хаврошечке. Напомним, что исполнять невыполнимые желания Крошечке помогала «рябая корова», которую злая мачеха приказала убить. Пелевин заимствует из этой сказки, прежде всего, саму ситуацию, в которой раскрываются, так сказать, неограниченные возможности «помощника». Она получает у него абсурдную форму выражения: в его романе уже нет коровы, от неё остается только треснувший череп, который превращается в фетиш. Ему молятся фээсбэшники и все, кто «сидит» на «нефтяной игле», потому что только если «нефть идет, деньги каплют». При этом сказочная функция «помощника» иронически переосмысливается: вместо нее актуализируется метафорическое выражение «дойная корова». Автор представляет эту ситуацию как некий спектакль, организованный по законам театра абсурда, в котором соединяются религиозный ритуал и испытание стратегически важного военного объекта. В этом микросюжете Пелевин иронически переосмысливает сам феномен утопизма, укорененный как в русском национальном сознании, так и в сознании советского человека, мечтающего «сказку сделать былью».

В финале «Священной книги», в соответствии с тем, что жизненные пути главных героев окончательно расходятся, вновь происходит актуализация как антиутопического, так и утопического дискурсов. Первый связан с образом Саши, второй – Адели.

Саша отверг любовь как путь к спасению. Его превращение из волка в пса, как и нежелание вернуть себе человеческий облик, фактически является реализацией метафоры «верный пес режима». Одновременно через эту трансформацию героя проясняются два важных для понимания интерпретации этого образа интертекстуальных плана, которые, как это обычно и бывает у Пелевина, соотнесены друг с другом по принципу пародии. Первый отсылает к Библии. В Священном Писании любые упоминания псов получают негативную коннотацию. Показательно в этом смысле, в каком лексическом ряду упоминается это слово в последней главе книги Откровение:

«Блаженны те, которые соблюдают заповеди Его, чтобы иметь им право на древо жизни и войти в город воротами. А вне – псы и чародеи, и любодее, и убийцы, и идолослужители, и всякий любящий и делающий неправду. Откр. 22:15»

Понятно, что речь в данном случае идет не о собаках, а о безнравственных, бездуховных людях, не заслуживших, чтобы их допустили в Царствие небесное. В романе Пелевина этот подтекст позволяет понять, что религиозность Саши, его вера – это очередной симулякр. Неслучайно православный крест, который он носит на груди, зашит в специальный мешочек.

Другой интертекстуальный пласт (в его пародийно-гротескном варианте) проясняется через сюжетный мотив оборотничества. Речь идет о диалогических связях с повестью Булгакова «Собачье сердце», со всей очевидностью проявляющихся в финале романа, где они выражены на идейном, образном и сюжетном уровнях. Именно в финале происходит буквальная реализация булгаковского прогноза о распространении шариковщины. В романе Пелевина к числу оборотней, «псов режима» относится не только Саша, но и все его окружение в ФСБ. Иронический смысл происходящего усиливается благодаря тому, что мы узнаем о судьбе генерал-полковника со слов его соратника и подчиненного Михалыча, представляющего тип Шарикова, с соответствующим уровнем развития и лексикой.

Но Пелевин не просто создает тип наследника булгаковского героя: он представляет Шарикова как реальное историческое лицо, позволяя себе «корректировать» Булгакова. Здесь Полиграф Полиграфыч уже не «зав подотделом очистки», а героическая личность. По словам Михалыча, именно на товарище Шарикове в стране все и держалось. Именно от Михалыча Аделю узнает, что Саша теперь живет только в собачьем образе:

«Когда товарищ генерал-полковник в новой форме на работу вышел, старейшие сотрудники всплакнули даже. Они такого с пятьдесят девятого года не видели. С тех пор как товарищ Шариков погиб» [1].

Таким образом, герой Пелевина принимает его «эстафету». Для Саши он тоже становится образцом для подражания: «Сказал, что не будет в человека превращаться, пока у страны остаются внешние и внутренние враги. Как товарищ Шариков когда-то... » [1].

Как известно, в повести Булгакова не просто выражено предупреждение об опасности распространения шариковщины, но и предложен путь предотвращения этой угрозы. В романе Пелевина, напротив, трактовка мотива оборотничества тесно связана с апокалиптическими мотивами. Перевоплощение Саши в пса Пиздеца представлено здесь как предвестие Апокалипсиса – Рагнарёка. Однако обценная лексика и авторская ирония выводят этот мотив из поля трагически-серьезного.

В отличие от антиутопического, утопический мотив получает в финале романа поэтическую интерпретацию. Как известно, слово «утопия» происходит от греч. *υ* – нет и *τοπος* – место – т.е. место, которого нет. У Пелевина буквальным воплощением этого этимологического значения является образ Радужного потока. Его тайну когда-то открыл лисе Желтый господин. Радужный поток – «это конечная цель сверхоборотня». На вопрос, чем этот оборотень отличается от других, монах ответил: «Внешне он такой же, (...) а внутренне отличается» [1]. Лисе А-Хули пришлось проделать долгий путь, прежде чем в ней смогли произойти эти внутренние изменения. Ведь, как сказал Желтый господин, «и Радужный поток, и путь сверхоборотня лежат вне мира и недоступны обыденному уму — даже лисьему» [1]. Записки стали для героини не только способом критического осмысления реальности (по словам Желтого господина, тому, кто читал священные книги, должно быть ясно, что «жизнь – это прогулка по саду иллюзорных форм, которые кажутся реальными уму, не видящему своей природы» [1]), но и способом внутреннего самосовершенствования, поиском пути к «конечной цели» – Радужному потоку. В финале он открывается ей, и А.Х. становится «сверхоборотнем».

Заключение. Таким образом, роман «Священная книга оборотня», с одной стороны, наследует антиутопическую традицию, с другой стороны, трансформирует ее. Характерная для антиутопии бинарная структура реализуется в каноническом конфликте личности и государственной машины, природы и цивилизации. Каждый из полюсов представляет один из главных героев, через любовь пытающийся преодолеть тотальный контроль. Однако антиутопический пафос снижается из-за использования обценной лексики, которая становится ключом к миру свободы. Классические для антиутопий Оруэлла или Замятина герои в произведении В.Пелевина меняются местами: героем, способным критически мыслить и объективно оценивать ситуацию, становится А Хули – своеобразная квинтэссенция как демонического, так и симулятивного начала. Саша Серый – представитель утопического национального сознания, в тексте Пелевина демонстрирует идею бескомпромиссного служения Системе, что раскрывается через булгаковский интертекст. В этом аспекте финал произведения прочитывается амбивалентно: с одной стороны, это воплощенная Сашей Серым антиутопия М.Булгакова, с другой стороны, это путь в Утопию, на который благодаря внутреннему самосовершенствованию вступает Лиса А.

Список литературы

- 1) Пелевин В.О. Священная книга оборотня. М.: Эксмо, 2004. 382 с.
- 2) Интернет-ресурс: Балод А. Иронический словарь А Хули. <http://pelevin.nov.ru/stati/o-iron/1.html> (Дата обращения: 31.10.2017).
- 3) Жолковский А. Замятин, Оруэлл и Хворобьёв: о снах нового типа // Блуждающие сны и другие работы. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994. С. 167-190.
- 4) Замятин Е. Избранные произведения. М.: Советский писатель, 1989. 768 с.